

В первый день, когда Сюй Ин пришел к нему, он тихо спросил, ужинал ли Гу Чу. Получив отрицательный ответ, гость без лишних слов прошел на кухню и приготовил кисло-острую рыбу и овощное ассорти. При этом он извинялся, что из-за нехватки времени смог сделать лишь эти два блюда, чем надолго ввел Гу Чу в ступор.

Позже Гу Чу, опасаясь, что парень ведет себя чересчур упрямо, просто перестал пускать его в дом. Однако, собравшись на следующий день по делам, он обнаружил Сюй Ина спящим прямо у порога. Его стройное тело свернулось калачиком, словно креветка — вид у него был донельзя жалкий.

Гу Чу долго не мог понять, в чем причина: у парня ведь есть собственное жилье по соседству, так зачем каждый день околачиваться у его двери, словно брошенный пес, которого невозможно прогнать?

В конце концов, он позволил ему войти.

Когда Гу Чу вернулся из кухни, вскипятив воду, Сюй Ин уже спал на диване. Присмотревшись, он заметил, что лицо парня неестественно покраснелось, а дыхание было тяжелым. За последнее время Гу Чу набрался опыта, ухаживая за Ду Цзыюем, и с первого взгляда понял — у того жар.

С трудом перетащив парня на кровать, напоив его лекарством от простуды и положив на лоб влажное полотенце, Гу Чу вдруг заметил, что Сюй Ин неотрывно смотрит на него своими темными, глубокими глазами.

— Гу Чу.

— М-м?

— Гу Чу.

— ...

— Гу Чу.

— Ты вообще в сознании?

— Пой.

— Что?

— Пой. Далекий одинокий путь.

— ...

— Гу Чу.

Сюй Ин повторял его имя, словно заевшая пластинка, отчего у Гу Чу разболелась голова. Он не

понимал, бредит тот или осознает происходящее, но по упорству парня было ясно: если он не запоем, тот так и будет продолжать до бесконечности.

Потерев виски, Гу Чу запел.

В полумраке комнаты плыл низкий, холодный голос, наделенный силой успокоения. Он прорезал застоявшийся воздух, окутывая две темные фигуры — на кровати и рядом с ней — незримой связью. Взгляд Сюй Ина...

Гу Чу следовал за Ду Цзыюем и помощниками режиссера, наблюдая за длинной чередой формальностей. Руководители отделов по очереди выступали с речами, затем Ду Цзыюй вышел вперед и вместе со всей съемочной группой провел церемонию воскурения благовоний, после чего был официально выпущен пресс-релиз.

Гу Чу уже собрался идти вслед за Ду Цзыюем к месту проведения пресс-конференции, как тот внезапно схватил его и увел в сторону.

— Ты не появишься на публике?

Ду Цзыюй хмыкнул и указал на свою травмированную ногу:

— Я перепоручил это Ван Шуньпину, он справится. К тому же я сейчас ранен и не могу перетруждаться.

— А как же я? Я ведь исполнитель главной роли.

— Цыц, ты ведь уже у меня в руках, верно? Скажем, что мы оба сбежали. И повод найдется отличный. — Глаза Ду Цзыюя блеснули, и он отчетливо произнес: — Побег с возлюбленным.

Перед началом съемок Гу Чу решил навестить одного человека в тюрьме.

В закрытом помещении стоял спертый воздух. Солнечный свет пробивался сквозь вентиляционное окно под потолком, образуя на полу желтое пятно, которое лопасти медленно вращающегося вентилятора раз за разом разрезали на части.

По обе стороны находились такие же кабинки для свиданий. Слева было пусто, а справа сидел старик, тихо уговаривавший собеседника беречь себя и стараться выйти пораньше. К концу разговора старик не выдержал и заплакал; его подавленный, хриплый голос отчетливо разносился по тихой комнате.

Пространство давило на психику.

Тяжелая железная дверь медленно отворилась.

Гу Чу сидел неподвижно за огромным стеклом, опершись локтями о стойку, и смотрел, как высокого надзирателя выводит юношу в темно-синей тюремной робе.

Парень заметно исхудал, его лицо, прежде сохранявшее мягкие черты, теперь заострилось, а тюремная форма казалась настолько велика, что, казалось, вот-вот спадет.

Увидев Гу Чу, юноша на мгновение удивился, но тут же взял себя в руки и молча сел.

Гу Чу вынул из папки несколько листов бумаги и просунул их через щель под стеклом.

— Можешь взглянуть на это.

Юноша с подозрением посмотрел на него, затем перевел взгляд на документы. Стоило ему увидеть имена и фотографии, как он резко побледнел. Его глаза, однако, стали острыми, как у загнанного в угол зверя, готового в последнем отчаянном рывке наброситься на охотника.

— Что это значит? — Юноша так сильно сжал бумаги, что костяшки пальцев побелели.

Гу Чу сцепил руки в замок. Его взгляд оставался спокойным, а голос — ровным:

— Я просто хочу знать, кто тебя надоумил.

Ху Цинъян внезапно успокоился. Он опустил голову и принялся медленно расправлять листы, разглаживая каждую складку, словно это была величайшая ценность.

Спустя мгновение из-за стекла донесся его тихий голос:

— Гу Чу, а ты совсем не изменился. — Ху Цинъян дернул уголок рта в усмешке. — В тот день в полицейском участке ты так вежливо со мной здоровался, невзначай выведывал подробности... Смешно. Разве не ты должен был знать о моем прошлом лучше всех?

Догадка подтвердилась. Гу Чу приподнял бровь и, проигнорировав насмешку и скрытую ненависть в словах собеседника, ответил:

— Я забыл.

— Да, я заметил. Ты забыл, ты действительно забыл! — Ху Цинъян рассмеялся, словно услышал нечто уморительное. В его горле забулькало, и этот отчаянный, жуткий смех вырвался наружу. — Впрочем, так даже лучше. По крайней мере, ты можешь беззаботно продолжать быть великой звездой... Хотя нет, боюсь, чем известнее ты станешь, тем позорнее будет финал... Я с нетерпением буду ждать этого.

Поняв, что факт подтвержден, Гу Чу больше не собирался слушать его бред. Он постучал по стеклу, и когда парень в недоумении поднял голову, сказал:

— У меня мало времени, и нет желания вспоминать прошлое. Теперь я спрашиваю — ты отвечаешь.

Ху Цинъян перестал улыбаться и холодно бросил:

— С чего бы мне отвечать на твои вопросы?

Гу Чу указал на бумаги в руках юноши:

— Я могу пойти в полицию и сказать, что дело еще не закрыто. Тот офицер Ван, который тебя допрашивал, до сих пор сомневается, просто у него не было улик. Думаешь, если я принесу ему эти документы, он не начнет копать?

Лицо Ху Цинъяна снова стало белым как полотно, а глаза налились кровью. Челюсти сжались так, что заходили желваки — он выглядел как зверь, чью больную мозоль задела. Если бы он был покрыт шипами, они бы сейчас вонзились в воздух.

Они молча смотрели друг на друга. Атмосфера накалилась до предела, слышен был лишь звук, с которым согнутый указательный палец Гу Чу мерно ударял по столешнице.

Наконец, Ху Цинъян прохрипел:

— Спрашивай.

Стук прекратился. Гу Чу заговорил ровным тоном:

— Линь Баофэн — твой младший брат?

— Ты и так все знаешь, зачем спрашиваешь?

Гу Чу кивнул:

— Просто подтверждаю. Следующее: как ты попал в Нулевой градус?

— Познакомился с одним парнем, когда подрабатывал. Он там работал, а когда нашел другое место, порекомендовал меня.

— Когда это было?

— Два года назад.

— Когда Ли Цин вышел на тебя?

Ху Цинъян расширил глаза, на его лице отразился шок:

— Ты уже знаешь? Ты ведь...

Гу Чу перебил его:

— Просто отвечай на вопрос.

Ху Цинъян нахмурился — неясно, стало ли ему легче или, наоборот, тревожнее. Он пристально посмотрел на Гу Чу и ответил:

— Больше месяца назад.

Глаза Гу Чу блеснули, он быстро прикинул даты. В то время произошло много событий, и любое из них могло подойти.

— Твой план провалился, почему Линь Баофэну все же оказали помощь?

Ху Цинъян опустил взгляд, его голос звучал холодно:

— Ли Цин сказал, что мне нужно только сбить тебя. В тот вечер в баре поднялся такой шум, что я не успел ничего проверить, выбежали люди. Потом я увидел новости, понял, что с тобой все в порядке, и решил, что брату конец. Но позже, не знаю как, Ли Цин позвонил мне и пообещал помочь с лечением.

— При условии, что после ареста ты возьмешь всю вину на себя, — закончил за него Гу Чу.

Ху Цинъян кивнул, его лицо помрачнело, и он тихо добавил:

— Для меня это лучше, чем оставаться на свободе.

Выйдя из тюрьмы, Гу Чу вернулся в центр города.

Напротив оживленной площади на огромном экране крутили рекламу с Янь Цином. Его чистое, благородное лицо было сосредоточено, взгляд полон нежности, устремленный прямо в объектив. В этих глубоких черных глазах словно таился целый мир, в который невольно хотелось погрузиться.

Три дня спустя Гу Чу, собрав чемоданы, вылетел в город А.

Город А, расположенный на юге среди гор, славился своим теплым климатом круглый год — идеальное место для отдыха. Место съемок выбрали здесь не только из-за погоды, но и потому, что город идеально соответствовал настроению фильма: чистый, свежий, наполненный зеленью.

Нога Ду Цзыюя все еще сильно болела. Врачи настаивали на покое, запрещали тяжелые нагрузки и долгое стояние, но съемочный процесс был расписан по минутам — где уж тут время на восстановление?

В итоге Ду Цзыюй каждый день выглядел как полуинвалид. Он часами сидел за камерой, нахмурившись, с покрасневшими от недосыпа глазами. Без крайней необходимости он не произносил ни слова, а разбор сцен полностью доверил второму сценаристу, Хун Ши.

Хун Ши был крупным мужчиной с темной кожей, и на первый взгляд его можно было принять за простоватого фермера, а никак не за сценариста. Однако никто не смел относиться к нему с пренебрежением — все знали, что этот человек — бессменный сценарист фильмов Ду Цзыюя, обладатель множества престижных наград.

— Гу, не нервничай, — Хун Ши добродушно похлопал Гу Чу по плечу, бросив взгляд на мрачного Ду Цзыюя, а затем снова перевел его на юношу. — Он всегда такой, когда начинаются съемки. Не принимай на свой счет.

Гу Чу впервые видел Ду Цзыюя в роли режиссера. В отличие от обычного общения, где тот позволял себе шутки и фриivolности, в работе он мгновенно преображался, становясь угрюмым и молчаливым. Одну и ту же сцену он заставлял актеров переснимать по многу раз, не говоря, хорошо или плохо, — иногда хватало трех-четырех дублей, а иногда требовалось больше десятка.

Некоторые актеры уже работали с ним раньше, поэтому их не смущали бесконечные повторы. Исполнительница главной роли, Линь Жуцзин, выпускница киноакадемии, была очень прилежной и старательной. Даже если что-то не получалось, она быстро исправлялась, и Гу Чу было легко с ней играть.

Поначалу она пугалась требований режиссера, но Чжан Цзивэнь, игравший отчима, успокоил ее, объяснив, что Ду Цзыюй просто стремится к совершенству, подбирая лучшие ракурсы и движения.

Гу Чу тоже постепенно привыкал к стилю режиссера, но в этот раз ситуация была иной: они повторяли сцену уже в шестнадцатый раз, и даже Линь Жуцзин, молча учившая текст в стороне, почувствовала неладное.

Хун Ши посмотрел на него с отеческой заботой:

— Гу, с движениями все в порядке, но эмоции все еще не те. Отдохни немного, попробуй прочувствовать сцену еще раз?

Гу Чу кивнул и машинально посмотрел на мужчину, который сидел за камерой с сигаретой в зубах. Тот был полностью поглощен экраном, что-то шептал оператору, а оператор хмурился, указывая на монитор, что вызывало у режиссера еще более мрачную гримасу.

— Гу, ты в порядке? — Линь Жуцзин подошла к зоне отдыха и протянула ему бутылку воды, глядя с беспокойством.

Гу Чу поблагодарил ее, сел в сторонке и снова открыл сценарий. Но строчки плыли перед глазами — то, что раньше запоминалось легко, сейчас не откладывалось в памяти. Мысли путались, а взгляд то и дело становился стеклянным.

Очнувшись, он потер виски, признавая: его состояние никуда не годится.

Раздражение, бессилие, недоумение и даже крошечная доля обиды — все это бурлило внутри, не давая сосредоточиться.

Когда он снова вышел на площадку, Ду Цзыюй резко поднял голову, и их взгляды встретились. Гу Чу вздрогнул, уловив в глазах режиссера ярость. Прошла секунда или целая вечность — Ду Цзыюй отвел взгляд, его брови сошлись на переносице, образуя плотный узел.

— Следующая сцена! — прохрипел он.

— Но... — все вокруг переглянулись, застигнутые врасплох.

— Я сказал, следующая сцена! Вы что, не слышите?!

Гу Чу почувствовал, как дернулось веко. Под любопытными взглядами присутствующих он молча вернулся в зону отдыха, а Линь Жуцзин, суетливо отложив сценарий, побежала на площадку.

— Что с режиссером Ду?

— Похоже, он недоволен Гу Чу...

— Да нет, Гу Чу вроде неплохо играл, раньше все с первого раза проходило.

— Хорошо или плохо — решать режиссеру. Если бы играл хорошо, разве мучили бы его шестнадцать дублей? По-моему... раньше Ду Цзыюй просто подыгрывал ему, все-таки их отношения — не секрет.

— Ох... ты об этом... но мне кажется, он не такой человек...

— А ты не думаешь, что Гу Чу тоже не такой, как о нем говорят?

Вокруг суетились люди, переставляя оборудование. Хотя перешептывания были тихими, обрывки фраз долетали до Гу Чу.

Настроение стало еще хуже.

Ночью на съемочной площадке царила тишина. Дневная суета исчезла, и лишь оборудование слабо поблескивало в холодном лунном свете.

В углу мил зеленоватый огонек, отражаясь от стен причудливыми бликами. Внезапно из полумрака показалась бледная рука и небрежно опустилась на подлокотник кресла. Между пальцами дымилась сигарета, окутывая руку клубами сизого тумана.

Именно это увидел Гу Чу, войдя на площадку.

Его взгляд скользнул по ногам, покоившимся под креслом, и он сделал несколько шагов вперед, чтобы разглядеть человека за монитором.

Все та же темная рубашка, что и днем, верхние пуговицы расстегнуты, вид потрепанный. Волосы взъерошены, словно их долго терли руками, торчали в разные стороны. Мужчина, щурясь, смотрел на экран, но, почувствовав чужой взгляд, невольно поднял голову.

— А-Чу? — Ду Цзыюй замер. — Ты чего здесь?

Он взъерошил волосы, сунул сигарету в рот и кивнул на соседний стул.

Гу Чу внимательно осмотрел его лицо. Убедившись, что в нем нет раздражения — только удивление, — он присел рядом и тихо ответил:

— Оставил сценарий днем, зашел поискать по пути в гримерку.

Ду Цзыюй безразлично кивнул, не сводя глаз с экрана.

Гу Чу посмотрел туда же и увидел самого себя — это был тот самый дубль, который они снимали днем.

Отводя взгляд, Гу Чу закашлялся от густого табачного дыма и с недоумением спросил:

— С чего это ты вдруг начал курить?

На столе стояла пепельница, полная окурков — явно не за один раз накурил.

Услышав кашель, Ду Цзыюй тут же потушил сигарету и махнул рукой, разгоняя дым.

— Прости. Я давно бросил, но когда снимаю кино, просто не могу сдержаться.

— Из-за нервов на съемках?

Ду Цзыюй тяжело вздохнул, нажал на паузу и откинулся на спинку деревянного кресла, выглядя совершенно изможденным.

— А-Чу, ты ведь знаешь, что ты мне нравишься. — Он заложил руки за голову и посмотрел в ночное небо. Погода была отличной: в глубокой темноте мерцали звезды, а тепло-желтая луна пряталась за облаками, проливая призрачный свет.

— У тебя тонкие черты лица, и это, конечно, играет роль. Но в индустрии полно красивых людей, я бы не стал влюбляться только из-за внешности. — Ду Цзыюй повернул голову. На его лице снова появилась полуулыбка, но взгляд был таким сосредоточенным и тяжелым, что Гу Чу на мгновение потерял дар речи.

Холодный лунный свет падал на лицо Ду Цзыюя, делая его кожу почти прозрачной. Гу Чу впервые так внимательно разглядывал его: в отличие от его собственных мягких линий, здесь были жесткие, четкие контуры, а в твердости взгляда чувствовалась зрелость. Глубокие черные глаза в этот момент слабо мерцали. Под прямым носом — тонкие губы, изогнутые в едва заметной ироничной усмешке.

Когда Гу Чу пришел в себя, Ду Цзыюй уже отвел взгляд и неспешно продолжил:

— Когда ты снимался в «Въевшемся в кости», я видел твою игру — честно говоря, ты меня впечатлил. — Он вдруг рассмеялся. — Ой, звучит как-то по-стариковски, но тогда ты действительно меня поразил.

— Поэтому ты решил отдать мне главную роль в новом фильме? — спросил Гу Чу.

Ду Цзыюй на секунду замолчал, а затем произнес нечто двусмысленное:

— И да, и нет. — Он указал на монитор, где на паузе застыл кадр: Гу Чу стоит спиной к камере, услышав, как его зовут, и оглядывается через плечо.

<http://bllate.org/book/21659/2234997>